

жат ее конкретизации и, с другой — синтезируются ею в определенное политическое credo автора.

Надо сказать, что эта особенность „Слова“ долгое время ускользала от внимания исследователей. Большинство из них сосредоточивали свое внимание на выяснении биографической линии „Слова“, узко понимая и раскрывая ее. К. Ф. Калайдович первый обнаружил интерес к биографии Даниила. Издавая полный текст Толстовского списка (ГПБ, О. I. 65), он писал: „Даниил, герой эпического Слова, жил в XII веке, был сослан в заточение на озеро Лаче... и там написал сие Послание, которое странным образом дошло в руки князя: Георгий Долгорукий приказал освободить его“.¹ Для К. Ф. Калайдовича все уже представляется ясным: и то, что автор был заточен, и то, что он, находясь в заточении, написал свое произведение, и то, что князь приказал его освободить. Этот наивный биографизм и досказывание за автора превратились потом в своеобразный „метод“ изучения „Слова“.

Блестящая характеристика, данная в 1841 году В. Г. Белинским „Слову Даниила Заточника“, не могла нарушить складывающейся традиции „университетской“ науки: эта характеристика слишком опережала ее. Белинский видел в „Слове“ образец „практической философии и учебного красноречия“, он утверждал, что „оно так и дышит духом своего времени“. По его мнению, Даниил Заточник — это „одна из тех личностей, которые на беду себе слишком умны, слишком даровиты, слишком много знают..., которых сердце болит и сдается ревностью по делам, чуждым им; которые говорят там, где лучше было бы молчать, и молчат там, где выгодно говорить“.² Свойственное Белинскому стремление рассматривать литературные факты и явления на широком фоне русской жизни, вникать в их общественный смысл и значение, проявившееся и в данном случае, не нашло в свое время продолжения в научной литературе о „Слове“.

С. П. Шевырев в своих лекциях по истории русской словесности рассматривает „Слово“ в духе высказываний Калайдовича. Он также считает, что Даниил был сослан на озеро Лаче. Здесь Даниил, по мнению С. П. Шевырева, и написал свое произведение „в роде веселом и забавном“, добываясь от своего князя помилования. Правда, С. П. Шевырев уже чувствует связь „Слова с его эпохой“. „Слово, — пишет он, — содержит в себе множество намеков, как должно думать, на современные ему обстоятельства“. Но С. П. Шевырев не может раскрыть эти намеки, так как все они, по его словам, „облечены такой тайной безличности, что мы решительно не можем вывести из них никакого заключения, кроме одного, что оно относится к временам удельным, которых черты ярко обозначаются в Слове“.³

Ничего не сказал об идейном смысле „Слова“ и П. А. Бессонов. Хотя в своей статье об этом памятнике он первый подробно охарактеризовал его обе редакции и много сделал для установления его источников, но этого исследователя все же интересуют главным образом внешние факторы предполагаемой биографии Даниила. Все же остальное в содержании „Слова“ П. А. Бессонову представляется несущественным: и вступление к „Слову“, и указываемые Даниилом обязанности князя, и значение при нем умных людей, и порицание тиунов, //

¹ Памятники российской словесности XII века. М., 1821, стр. 227—240.

² В. Г. Белинский. Русская народная поэзия. Отч. зап., 1841, т. XIX, № 11, отд. „Критика“, стр. 19—20.

³ С. Шевырев. История русской словесности, т. I, ч. II. М., 1846, стр. 210—213.